

Секция «Юриспруденция: актуальные вопросы правотворчества и правоприменения (СИУ РАНХиГС)»

Криптовалюта как главный предмет преступления двадцать первого века

Жуков И.Р.¹, Кайгородов Б.А.²

1 - Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия, *E-mail: vanya.zhukov.18@mail.ru*; 2 - Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия, *E-mail: bkaigorodov@yandex.ru*

В контексте темы «Криптовалюта как главный предмет преступления двадцать первого века» особую значимость приобретают данные Банка России за 2025 год: регулятор выявил 7 [U+202F]087 субъектов с признаками нелегальной деятельности, в том числе финансовых пирамид. Примечательно, что большинство таких проектов — за исключением нелегальных кредиторов — не имели физических офисов и выстраивали взаимодействие с потенциальными жертвами исключительно посредством соцсетей, мессенджеров или телефонных звонков. При этом ключевым инструментом привлечения средств стала именно криптовалюта: почти 1,5 [U+202F] тыс. проектов предлагали псевдоинвестиции в криптовалюты и криптоактивы, а доля пирамидальных схем, принимающих взносы в цифровых активах, заметно выросла — с 77 [U+202F] % в 2024 году до 84 [U+202F] % в 2025-м [1]. Дополнительным свидетельством масштабного использования криптовалюты в преступных целях служит тот факт, что в 2025 году было обнаружено свыше 4,6 [U+202F] тыс. криптовалютных кошельков, на которые организаторы финансовых пирамид предлагали переводить первоначальный инвестиционный взнос. Эти цифры наглядно подтверждают тезис о том, что криптовалюта всё прочнее закрепляется в роли центрального элемента и основного предмета современных финансовых преступлений.

Однако до сих пор возникали проблемы с определением, к какой норме закона относить криптовалюту, ведь уголовная статья, прямо предусматривающая ответственность за преступления с её использованием, отсутствовала. Это существенно затрудняло привлечение организаторов пирамид к ответственности по специализированным составам и вынуждало следствие квалифицировать действия фигурантов по общим статьям — например, по ст. 159 УК РФ (мошенничество) [4], что не всегда отражало специфику цифровых активов и особенности схем их применения.

Гражданский кодекс РФ пока не закрепляет правовой статус криптовалюты как объекта гражданских прав, оставляя в этой сфере определённый правовой пробел. Его частично закрыл Федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах», который ввёл правовую категорию «цифровая валюта» и установил определённые ограничения её использования [5]. При этом признание цифровой валюты имуществом носит фрагментарный характер: оно закреплено лишь в отдельных отраслях законодательства — например, в налоговом праве, в нормах о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путём, в законодательстве о банкротстве и в сфере исполнительного производства.

Однако в Федеральном законе от 20.02.2026 № 38-ФЗ, вносящем изменения в статью 104.1 УК РФ, было закреплено, что «для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса цифровая валюта признаётся имуществом» [6].

Ранее правовой статус криптовалюты в уголовном праве вызывал споры. Так, по делу № 1–95/2020 (приговор Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 30 июня 2020 года) суд исключил эпизоды грабежа криптовалюты из обвинения, указав, что она не относится к имуществу в смысле уголовного закона [n3]. Однако вышестоящая инстанция

отменила этот вывод, и на сегодняшний день правоприменительная практика выработала единый подход: хищения криптоактивов рассматриваются наравне с хищениями иного имущества и квалифицируются по соответствующим статьям УК РФ.

На текущий момент массовая практика применения статьи 158 УК РФ к хищениям криптовалюты ещё не сложилась. Важным этапом в формировании такого подхода стало уголовное дело 2022 года о хищении 7 000 ЕТН, из которых к моменту начала расследования сохранилось свыше 4 000 ЕТН [2]. В рамках этого дела обвинение было предъявлено по части 2 статьи 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации») и пункту «б» части 4 статьи 158 УК РФ («Кража в особо крупном размере»). Ключевым правовым решением стало то, что суд признал криптовалюту «иным имуществом», опираясь на примечание к статье 158 УК РФ. Благодаря этому впервые удалось наложить арест на криптоактивы — прецедент фактически закрепил возможность квалифицировать хищение криптовалюты как кражу и задал важный ориентир для дальнейшей правоприменительной практики. Именно на фоне подобных кейсов и растущего числа преступлений с использованием цифровых активов законодатели предприняли шаги по устранению правовой неопределённости. В результате в Федеральном законе от 20.02.2026 № 38-ФЗ, вносящем изменения в статью 104.1 УК РФ, было нормативно закреплено положение, согласно которому «для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса цифровая валюта признаётся имуществом». Это законодательное решение систематизировало сложившуюся практику и создало более чёткую правовую основу для квалификации преступлений с использованием криптовалют.

Источники и литература

- 1) Банк России: https://www.cbr.ru/analytics/inside/2025_2/
- 2) Объединённая пресс служба судов города Санкт Петербурга: <http://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/>
- 3) Прокуратура города Санкт Петербурга: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_78/mass-media/news/main/e4862556/
- 4) Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 ФЗ (ред. от 20.02.2026)
- 5) Федеральный закон от 31.07.2020 № 259 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
- 6) Федеральный закон от 20.02.2026 № 38 ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»